

Графъ Л. Н. Толстой.

С сюжета И. А. Боянского.

цем новой религиозно-философской социальной проблемы человека.

Все помнят, какое огромное впечатление произвело Лев Николаевич въ богословском и философском мірѣ... Въ опровержение и защиту Толстого стали писать цѣльные томы философскихъ, религіозныхъ и соціальныхъ изслѣдований; произведения Толстого популяризировались все шире и шире; его проблемой, его учениемъ въ жизни занялись всѣ са-мыхъ широкихъ кругахъ, его комментиро-вали, защищали и критиковали и эта работа человѣческой мысли, пробужденной Львомъ Николаевичемъ, продолжается до сихъ поръ, да и долго еще будетъ про-должаться, ибо знаніе и вѣрѣніе произ-веденій Льва Николаевича на культурный міръ, строго говоря, только началось.

Оно только что началось, но посмо-трите, како колоссальный масштабъ это-го вліянія и у насъ, и за границей!

Толстого поняли и опредѣли при его жизни. Такой удачѣ рѣдко выпадаетъ на долю гениевъ мыслителей, которыхъ современники, большей частью, не понимаютъ.

И то обстоятельство, что культурное, передовое, человѣчество поняло и оцѣнило своего гения, является лучшимъ доказательствомъ того, что Левъ Николаевичъ поднялъ тѣ вопросы, которыми буде-тъ современное человѣчество, и сумѣлъ во многомъ отвѣтить на нихъ искренне-иправиво и смѣло...

И было сознавать, что Левъ Николаевичъ поняли миллионы людей... Было и радостно потому, что въ этомъ пони-мании—зато, общечеловѣческаго счастья, залогъ того, что человѣчество еще не устало на своемъ тернистомъ пути искаженій правды Божией, правды общечеловѣческой...

Было и неуклонно человѣчество приближалось къ себѣ, посыпало впередъ свѣ-ихъ лучшихъ мыслителей.

Насколько далѣко впередъ пошло человѣчество въ лице своего гения Льва Николаевича Толстого, на это мы, со-временники, отвѣть не можемъ...

Но мы знаемъ и чувствуемъ, что идемъ впередъ: отъ тьмы къ свѣту, отъ лжи къ правдѣ, что побѣда за нами...

Гр. Левъ Николаевичъ Толстой.

1828—1908.

Толстой, говорить Брандстѣтъ, можетъ описывать только то, что знаетъ, т.е. то, что онъ пережилъ самъ, чѣмъ перебѣль了他的 мысли и сердце, къ чему онъ чѣмъ-то-пришелъ.

Да, это такъ.

У менѣ ни отъ кого на свѣтѣ нѣтъ никакихъ тайнъ, "заявляетъ самъ Толстой", и, лѣтичественно, въ своемъ творчествѣ онъ никогда не боялся раскрыть самое скроенное душы, и каждое новое его произведение въ то же время и новый этапъ въ развитіи его богатой духовной жизни.

Его гений отличается субъективизмомъ. Умственный или душевый кризисъ вымыслилъ у него, всегда своеобразную линкую, чѣмъ онъ никогда не боялся раскрыть самое скроенное душы, и каждое новое его произведение въ то же время и новый этапъ въ развитіи его богатой духовной жизни.

ищущую къ небу, Толстой и нарисовалъ въ

линей Марія Волконской.

Кромѣ Льва Николаевича, у его роди-телей были еще три сына: Николай, Сер-гей, Дмитрий и dochь Марія. Мать Толсто-го умерла, когда ему было всего полтора года, отца же онъ лишился 9-ти лѣтъ.

Воспитаніемъ детей тогда занималась

родствница Толстыхъ Т. А. Ергольская, а

спустя три года несовершеннолѣтіе пле-

міиши перешло къ сестрѣ ея, Нелагет-

Ильинѣ Юшковой.

Эта женщина, имѣвшая несомнѣнное влі-

яніе на первые шаги Толстому, заслуживаетъ краткой обрисовки.

Внѣшнѣе затѣмъ къ графамъ Толстымъ.

Живописное мѣстечко, описанное Лѣвомъ,

предкрасными лирическими аллегоріями, подо-

бравшимися изъ самой усадьбы, съ обшир-

нымъ садомъ, среди зелени которого, какъ

рѣкѣи вѣршатъ, покоятся четыре пруда.

Старое барское зданіе развалилось, и

величественнымъ когда-то двѣ башни оброс-

ли мохомъ; отъ него остались только два

двухэтажныхъ флигеля, въ одномъ изъ

нихъ живетъ со своей семьей Толстой, а

въ другомъ служитъ для его многочисленныхъ

посѣтителей—поклонниковъ, почитателей,

безпокойныхъ интересы, русскихъ и

иностранцевъ.

Въ этомъ уютномъ уголкѣ, въ этой Мек-

канѣ паломниковъ мысли, въ встрѣтѣ по-

сторонъ старинного барского рода высокой

старѣніи, съ серебряной бородой пророка,

съ мягкими проницательными взглядами

изъ подъ густыхъ сѣдыхъ бровей; одѣжен-

и крестьянина—высокіе сапоги и простая

опоясанная рубаха; держится прямо, не-

смотря на свои 80 лѣтъ, точно поддер-

живаетъ его и питаетъ сила творческой

мысли и сила земли, которую онъ такъ

любитъ. Здѣсь написано: "Вѣна и

миръ", "Анна Каренина", а затѣмъ "Иса-

новѣдѣ", "Вѣ чѣмъ моя вѣра", "Кре-

чевера соната" и т. д. Здѣсь провѣ-дѣ

большую половину жизни великий пис-

ателъ.

Родился Левъ Николаевичъ 28-го авгу-

ста 1828 года. Его мать—княжна Марія

Николаевна Волконская, отецъ графъ Ни-
колай Ильинъ. Роды обоихъ блестящие

аристократическіе, безъ всякихъ слѣдовъ

заслугъ. Родъ Волконскихъ, въсхож-
дящий къ святому Михаилу, князю черни-

ловскому, погибшему мученической смертью

въ татарской ордѣ, въ 1246 г. Родъ

Толстыхъ начинается со времени Петра

1-го; многие члены его занимали выдаю-

щееся положеніе въ государствѣ и оказа-
ли ему рѣдкіе услуги. Отецъ Левъ Ни-
колаевичъ былъ подполковникомъ Павлоград-
скаго гусарскаго полка, участвовалъ въ

войнѣ съ Наполеономъ выслѣдъ въ отстав-

ку чинъ полковника.

Все это было старое барство съ своимъ

стригомъ традиціями, съ искаканіемъ прав-
ды, массонствомъ и мистицизмомъ, съ за-
стѣніемъ оппозиціи, съ интригами при-
дворной карьеры и дворянской роскошью,

приходившими на смѣну другъ друга.

Своё умственное наслажденіе и творче-
скіе силы Толстой получилъ отъ матери

(какъ, напримеръ, и Гейне), такъ какъ

онъ не переносилъ съ себѣ

чѣмъ-то-присущее

и отца его, во всякомъ случаѣ не можетъ

быть признанъ творческой натурой.

Марія же Николаевна была въ высшей

степени умной и образованной женщиной,

духовно мягкой иѣжной натурой, вызы-
вавшей къ себѣ общее вниманіе и ува-
женіе.

Именно такую женщину, мечтатель-

ную, съ экзальтированными воображені-
емъ, мистически настроеннымъ и порываю-

"Духъ законовъ" Монтецкіе въ сравне-
ніи съ "Наказомъ" императрицы Екатерины.

Невысокое положеніе науки того време-
ни въ русскихъ университетахъ, слабые преподаватели и вся дуроформенная казенная обстановка не могли, конечно, удовлетворить пытливый умъ юноши, и въ 1847 г., не приступивъ даже къ экза-
менамъ на третій курсъ, Толстой уѣхалъ въ Ясную Полину", оставилъ университетъ.

Въ это время, какъ свидѣтельствуетъ и Берсъ въ своихъ "Воспоминаніяхъ", Толстой сильно увлекался Руссо и съ жадностью перечитывалъ его произведения. Поэтому онъ и наѣхалъ на деревеній духовный покой, удовлетвореніе, мечтая отдать сельскому хозяйству и заботиться о счастье своихъ крестьянъ. Однако эти филантропіческие мечты не исполнились, и просветительство крестьянъ не удалось, во-первыхъ, потому, что эти идеи были еще надуманными, не непосредственно изъ сердца, а во-вторыхъ, потому, что всѣ условия крѣпостного режима не позволяли сразу выкупить крестьянъ изъ мрака къ спѣту, какъ хотѣлось молодому помѣщику.

Весной 1851 года, отчасти по совѣту Берса въ своихъ "Воспоминаніяхъ", Толстой принялъ горячее участіе въ севастопольской оборонѣ. Онъ находился на опасномъ 4-мъ бастионѣ, где погибъ въ гибели людіи. Здесь, среди товарищей, онъ пользовался общей любовью иуваженіемъ. Одни изъ нихъ говорили о немъ:

"Толстой своимъ рассказомъ и паскюромъ куплетомъ одушевлялъ всѣхъ и каждого въ трудныхъ минутахъ боевой жизни. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ духомъ нашего общества. Толстой съ паскюломъ и орденомъ изъ японской курчины, посыпавъ ее сѣрьми и золотыми пурпурными кристаллами, възвѣшилъ ее въ томъ смыслахъ, что храбрость есть исполненіе своего долга солдата или офицера при всякихъ обстоятельствахъ, безъ заботъ о материалахъ, безъ призыва на наградахъ, безъ признания тщеславія (капитана Хлопова изъ "Набѣга", "Рубка лѣса" и "Казаковъ"). Съ вѣнцемъ стороны эта жизнь на Кавказѣ была богата различными эпизодами.

Жилъ Толстой въ простой казацкой избѣ и платилъ за нее 5 руб. Время проводилъ, занимаясь, главнымъ образомъ, охотой, во время которой и сблизился съ казакомъ Елинскимъ (Бронка въ "Казакахъ"), хорошо знакомымъ со страной и ее людьми.

Но не столько эта вѣнчая жизнь, сколько внутренняя представляется для насъ интересной, тѣмъ больше, что здесь, на Кавказѣ Толстымъ были написаны его первые произведения.

Первымъ было написано "Дѣтство", оконченное 9-го июля 1852 года, за которымъ быстро слѣдуютъ: "Утро похѣбика", "Набѣгъ", "Отчество", въ которомъ Толстой опредѣлился въ концепціи передѣланій "Казаковъ". Послѣднее въ "Современникахъ" было напечатано Некрасовымъ, который поимѣлъ въ немъ искаженія, а Толстой, въ свою очередь, въ "Набѣгѣ" и "Рубке лѣса" въвелъ въ сознаніе читателей искаженія, въведенія въ "Современникъ" Толстымъ.

Посмотрите на грозную военную страницу, чѣмъ бы она отличалась отъ "Современника", въ которомъ Толстой въ 1852 году въ отставку, и здесь кончается его военная карьера. "Онъ сложилъ съ себѣ оружіе,—пишетъ Левъ Фельдъ,—тѣмъ что стоялъ на этомъ времени и не имѣлъ права держать въ рукахъ одно оружіе—педо."

Несмотря на грозную военную страницу, чѣмъ бы она отличалась отъ "Современника", въ которомъ Толстой въ 1852 году въ отставку, и здесь кончается его военная карьера, въ 1853 году Толстой въ 1854 году въ отставку, и здесь кончается его военная карьера, въ 1855 году Толстой въ 1856 году въ отставку, и здесь кончается его военная карьера, въ 1857 году Толстой въ 1858 году въ отставку, и здесь кончается его военная карьера, въ 1859 году Толстой въ 1860 году въ отставку, и здесь кончается его военная карьера, въ 1861 году Толстой въ 1862 году въ отставку, и здесь кончается его военная карьера, въ 1863 году Толстой въ 1864 году въ отставку, и здесь кончается его военная карьера, въ 1865 году Толстой въ 1866 году въ отставку, и здесь кончается его военная карьера, въ 1867 году Толстой въ 1868 году въ отставку, и здесь кончается его военная карьера, въ 1869 году Толстой въ 1870 году въ отставку, и здесь кончается его военная карьера, въ 1871 году Толстой въ 1872 году въ отставку, и здесь кончается его военная карьера, въ 1873 году Толстой въ 1874 году въ отставку, и здесь кончается его военная карьера, въ 1875 году Толстой въ 1876 году въ отставку, и здесь кончается его военная карьера, въ 1877 году Толстой въ 1878 году въ отставку, и здесь кончается его военная карьера, въ 1879 году Толстой въ 1880 году въ отставку, и здесь кончается его военная карьера, въ 1881 году Толстой въ 1882 году въ отставку, и здесь кончается его военная карьера, въ 1883 году Толстой въ 1884 году въ отставку, и здесь кончается его военная карьера, въ 1885 году Толстой въ 1886 году въ отставку, и здесь кончается его военная карьера, въ 1887 году Толстой въ 1888 году въ отставку, и здесь кончается его военная карьера, въ 1889 году Толстой въ 1890 году въ отставку, и здесь кончается его военная карьера, въ 1891 году Толстой въ 1892 году въ отставку, и здесь кончается его военная карьера, въ 1893 году Толстой въ 1894 году въ отставку, и здесь кончается его военная карьера, въ 1895 году Толстой въ 1896 году въ отставку, и здесь кончается его военная карьера, въ 1897 году Толстой въ 1898 году въ отставку, и здесь кончается его военная карьера, въ 1899 году Толстой въ 1900 году въ отставку, и здесь кончается его военная карьера, въ 1901 году Толстой въ 1902 году въ отставку, и здесь кончается его военная карьера, въ 1903 году Толстой въ 1904 году въ отставку, и здесь кончается его военная карьера, въ 1905 году Толстой въ 1906 году въ отставку, и здесь кончается его военная карьера, въ 1907 году Толстой въ 1908 году въ отстав

хочется закончить свою статью словами П. Кропоткина:

— Толстой является наиболее любимым, наиболее трогательно любимым человеком во всем мире».

Его книга — богатство мировой библиотеки!

А. Станиевич.

Толстой и Французы.

В парижском театре «Антуан» ставили «Воскресение». Французская передка романа была из рук воинской постановки и декорации были так же далеки от бытовой правды, что русскому зрителю показалось, что вспоминает о чем-то далеком, живет вдали от реальности, движется из со-вершенствования странных возводами.

К счастью налья идти караваном — прекрасно формулирует Артур Шницлер это ощущение индивидуализма, которое какждым днем рас пространяется в Европе. Не напрасно, не от бытовой правды, что русскому зрителю показалось, что вспоминает о чем-то далеком, живет вдали от реальности, движется из со-вершенствования странных возводами.

Из свободы налья идти караваном — глубоко запечатлелось в моей памяти. Пожалуй, она, несмотря на свою видимую незначительность, поразила меня больше, чем что-либо другое в великолепной биографии Льва Николаевича, составленной Биркертсом: только близко подходит этот биографический к тайникам творчества великого писателя и юбиляра, так ярко и ярко характеризует ту художественную методу, путем которой Толстой творил, — его генialную пристрастие.

Наша эпоха, полная разрозненства, временем впадала в патетическую тонкость классических трагедий — но все же чувствовала Толстого, на склоне престарелости, ее особая, ему одному свойственная убийственность, которую проникнула в каждую страницу и вспоминаемую ими фразой, яблоко, то, ему одному известную и по-напыткам правда, которая заставляет всех соглашаться и враждебных ей сказаний смотреть на ее величайшее проповедование.

Публика пурпурно аплодировала, искренне, восхищенно.

Странное чувство охватило меня, смысла радости и удивления. Киль-то внутреннее предчувствие говорило мне, что Толстого не знают, не понимают в этой среде. Весь мир, из России, странно разинялся, чтобы поглотить налья идти караваном — и вспомнили о нем, не изменившись и не поклонившись.

— Нельзя — отозвался онъ. — Его правда не моя правда, ибо правда у каждого

налья идти караваном — и вспомнили о нем, не изменившись и не поклонившись.

Сторонники ли вы общественных

воздвижений Толстого? — спросил однажды французского публициста, который долго изучал Толстого и со страстью,

любовью о нем говорил и писал.

— Нельзя — отозвался онъ. — Его правда не моя правда, ибо правда у каждого

налья идти караваном — и вспомнили о нем, не изменившись и не поклонившись.

— Читали ли вы «Войну и мир», «Анну Каренину»? — спросил онъ.

Мои собеседники обиделись.

Конечно, они читали. Но если бы даже пять, то что из этого? Мало ли великих произведений мировой литературы, которых интеллигент не удаётся прочесть из подлинников? Но они их знают. Они знают, что они не в состоянии прочитать Толстого, а это величайшее проявление таланта, что родилось и сочилось из них, что они не знают, что они не могут понять, как же быть, весь мир. Намъ, наоборот, кажется, что только мы понимаем и ценим, что они не в состоянии прочитать Толстого, что родилось и сочилось из них, что они не знают, что они не могут понять, как же быть, весь мир. Это высокоморальное и не вспомнишь.

В фойе я заговорил с двумя знаменитыми французами. Это были интеллигенты из полного смысле этого слова, близко стоявшие к социальному движению и не

чуждые литературе.

— Читали ли вы «Войну и мир», «Анну Каренину»? — спросил онъ.

Мои собеседники обиделись.

Конечно, они читали. Но если бы даже пять, то что из этого? Мало ли великих произведений мировой литературы, которых интеллигент не удаётся прочесть из подлинников? Но они их знают. Они знают, что они не в состоянии прочитать Толстого, а это величайшее проявление таланта, что родилось и сочилось из них, что они не знают, что они не могут понять, как же быть, весь мир. Намъ, наоборот, кажется, что только мы понимаем и ценим, что они не в состоянии прочитать Толстого, а это величайшее проявление таланта, что родилось и сочилось из них, что они не знают, что они не могут понять, как же быть, весь мир. Это высокоморальное и не вспомнишь.

На конец, я читал «Исповедь», «Крецерову сагу», и т. д., и по всякой читающей французу из всей публицистической деятельности великого русского писателя!

— Просите — сказала второй мой собеседник — но мне кажется, что по Франции знают Толстого лучше, чем у вас, в России. Я говорю о Толстом писателе, о Толстом моралисте, о томе Толстом, который самъ хочет быть для мира.

И падо отдать справедливость молодому французскому адвокату — онъ оказался прав, поскольку я могъ выяснить этот вопрос за письмо — жить жизни во Франции.

И спросилъ своего старика — консультанта

знает ли онъ Толстого?

— Какъ же, знаетъ! — обиделся онъ

это тотъ графъ, который самъ землю на

шите и сапоги тачаетъ! Какъ не знаютъ?

— Конечно, они читали. Но если бы даже пять, то что из этого? Мало ли великих произведений мировой литературы, которых интеллигент не удаётся прочесть из подлинников? Но они их знают. Они знают, что они не в состоянии прочитать Толстого, а это величайшее проявление таланта, что родилось и сочилось из них, что они не знают, что они не могут понять, как же быть, весь мир. Это высокоморальное и не вспомнишь.

На конец, я читал «Исповедь», «Крецерову сагу», и т. д., и по всякой читающей французу из всей публицистической деятельности великого русского писателя!

— Просите — сказала второй мой собеседник — но мне кажется, что по Франции знают Толстого лучше, чем у вас, в России. Я говорю о Толстом писателе, о Толстом моралисте, о томе Толстом, который самъ хочет быть для мира.

И падо отдать справедливость молодому французскому адвокату — онъ оказался прав, поскольку я могъ выяснить этот вопрос за письмо — жить жизни во Франции.

И спросилъ своего старика — консультанта

знает ли онъ Толстого?

— Какъ же, знаетъ! — обиделся онъ

это тотъ графъ, который самъ землю на

шите и сапоги тачаетъ!

Почему-то на этомъ раньше всего останавливается внимание европейца.

И это понятно, это естественно.

Мы, из России, помнимъ еще «хоккей на налья идти караваном — и вспомнили о нем, не изменившись и не поклонившись.

Из дальнейшихъ распросовъ оказалось

что старый привратникъ знаетъ о томъ

что Толстой проповѣдуетъ непротивление

и всеобщий трудъ, что его отлучили отъ

церкви... Болѣе того, онъ читал «Хозяина и работника», «Petit Parisien», который онъ, какъ и всѣ консультанты, читаетъ ино-

для въ день, опровергаетъ вмѣстъ со всѣ

мировой печатью о жизни Толстого, о со-

стояніи его здоровью, и привратникъ хо-

рошо знаетъ, сколько Толстому лѣть въ

что онъ живетъ въ Японіи Полинѣ.

Если-бы наши дворники, наши кучера

наши крестьяне такъ знали Толстого, хотя

бы только такъ!

* * *

— Графъ, который самъ землю на

шите и сапоги тачаетъ!

Почему-то на этомъ раньше всего останавливается внимание европейца.

И это понятно, это естественно.

Мы, из России, помнимъ еще «хоккей на

налья идти караваном — и вспомнили о нем, не изменившись и не поклонившись.

Из дальнейшихъ распросовъ оказалось

что старый привратникъ знаетъ о томъ

что Толстой проповѣдуетъ непротивление

и всеобщий трудъ, что его отлучили отъ

церкви... Болѣе того, онъ читал «Хозяина и работника», «Petit Parisien», который онъ, какъ и всѣ консультанты, читаетъ ино-

для въ день, опровергаетъ вмѣстъ со всѣ

мировой печатью о жизни Толстого, о со-

стояніи его здоровью, и привратникъ хо-

рошо знаетъ, сколько Толстому лѣть въ

что онъ живетъ въ Японіи Полинѣ.

Люди привилегированныхъ сословий

крышки захватываютъ кульки своимъ налья идти караваном — и вспомнили о нем, не изменившись и не поклонившись.

Из дальнейшихъ распросовъ оказалось

что старый привратникъ знаетъ о томъ

что Толстой проповѣдуетъ непротивление

и всеобщий трудъ, что его отлучили отъ

церкви... Болѣе того, онъ читал «Хозяина и работника», «Petit Parisien», который онъ, какъ и всѣ консультанты, читаетъ ино-

для въ день, опровергаетъ вмѣстъ со всѣ

мировой печатью о жизни Толстого, о со-

стояніи его здоровью, и привратникъ хо-

рошо знаетъ, сколько Толстому лѣть въ

что онъ живетъ въ Японіи Полинѣ.

Люди привилегированныхъ сословий

крышки захватываютъ кульки своимъ налья идти караваном — и вспомнили о нем, не изменившись и не поклонившись.

Из дальнейшихъ распросовъ оказалось

что старый привратникъ знаетъ о томъ

что Толстой проповѣдуетъ непротивление

и всеобщий трудъ, что его отлучили отъ

церкви... Болѣе того, онъ читал «Хозяина и работника», «Petit Parisien», который онъ, какъ и всѣ консультанты, читаетъ ино-

для въ день, опровергаетъ вмѣстъ со всѣ

мировой печатью о жизни Толстого, о со-

стояніи его здоровью, и привратникъ хо-

рошо знаетъ, сколько Толстому лѣть въ

что онъ живетъ въ Японіи Полинѣ.

Люди привилегированныхъ сословий

крышки захватываютъ кульки своимъ налья идти караваном — и вспомнили о нем, не изменившись и не поклонившись.

Из дальнейшихъ распросовъ оказалось

что старый привратникъ знаетъ о томъ

что Толстой проповѣдуетъ непротивление

и всеобщий трудъ, что его отлучили отъ

церкви... Болѣе того, онъ читал «Хозяина и работника», «Petit Parisien», который онъ, какъ и всѣ консультанты, читаетъ ино-

для въ день, опровергаетъ вмѣстъ со всѣ

мировой печатью о жизни Толстого, о со-

стояніи его здоровью, и привратникъ хо-

рошо знаетъ, сколько Толстому лѣть въ

что онъ живетъ въ Японіи Полинѣ.

Люди привилегированныхъ сословий

крышки захватываютъ кульки своимъ налья идти караваном — и вспомнили о нем, не изменившись и не поклонившись.

Из дальнейшихъ распросовъ оказалось

что старый привратникъ знаетъ о томъ

что Толстой проповѣдуетъ непротивление

и всеобщий трудъ, что его отлучили отъ

церкви... Болѣе того, онъ читал «Хозяина и работника», «Petit Parisien», который онъ, какъ и всѣ консультанты, читаетъ ино-

для въ день, опровергаетъ вмѣстъ со всѣ</

